

ОБРАЗНАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ГОЛОСООБРАЗОВАНИЯ В ОТРАЖЕНИИ РЕЧЕВОЙ СИТУАЦИИ

В статье проводится анализ образной интерпретации голосообразования – коммуникативно значимого элемента речевой ситуации, связанного с ее центральным компонентом (субъектом речи). В репрезентации голоса прослеживается взаимодействие метафорической и метонимической моделей, проявляющееся в регулярной метонимической замене наименований говорящего субъекта номинациями, связанными с голосом; подтверждается обусловленность метафорической модели «живое существо» метонимической логикой концептуализации денотата. В интерпретации говорящего субъекта эта модель обладает большими возможностями – любая характеристика конкретного субъекта, которая так или иначе воплощается через речь, может быть передана голосовыми номинациями.

Ключевые слова: метафорическая интерпретация, метонимия, дискурс, концепт, речевая ситуация, голосообразование.

Метафорическое моделирование голоса представляет собой фокус, в котором со-вмещены разные аспекты, связанные с репрезентацией субъекта – центра речевой ситуации. Понятие субъекта речи объединило, возможно, наибольший комплекс прагматически релевантных вопросов [1, с. 8–42].

Коммуникативная значимость этого аспекта выражается, в частности, в том, что голос нередко выступает в тексте, отражающем речевую ситуацию, репрезентантом говорящего – в регулярной метонимической замене в позиции формального субъекта наименований говорящего лексемами *голос*, *голосок*, *бас*, *тенор* и т. п.:

И голос, ее голос ответил мне: – Это я (М. Булгаков); *И тут вдруг детский голосок сказал ему:* – Алле. (Ю. Домбровский); *Бас директора произнес среди гомона несколько слов...* (В. Набоков); – *Сидим, сидим, – хором ответили ему из зала тенора и басы* (М. Булгаков).

Отметим, что в музыкальном дискурсе подобные замены имеют еще более регулярный характер:

Пели два голоса: высокий тенор и низкий рыдающий бас (И. Грекова); *Туридду тогда пел знаменитый тенор Карло Бергонци* (И. Архипова); *Густое женское сопрано исполняло какую-то классическую канцону или оперную арию* (А. Рубанов); *Доминиканская сопрано выступит с Симфоническим оркестром Кубы* (из газеты). *Какой-то харбинский баритон... и многие другие пели здесь для блатных без конца, выступали в лучшем своем репертуаре* (В. Шаламов).

Следует отметить, что в репрезентации речевой ситуации на голос буквально переносятся признаки (в форме переноса определения), характеризующие состояние

* © Кириллова Н.О., 2016

Кириллова Наталья Олеговна (nokirillova@mail.ru), кафедра естественнонаучных и гуманитарных дисциплин, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева (КНИТУ-КАИ), 420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. К. Маркса, 10.

и психологические качества говорящего (*сердитый, решительный, безжалостный, испуганный*):

А из угла, от телефона, голос более громкий, решительный, требовательный: Кириллов! Кириллов! (И. Шамякин); Послышалось два голоса. Бас сказал безжалостно: – Готово дело. Белая горячка. А второй, женский, испуганный, произнес слова: – Как же милиция-то пропустила его по улицам... (М. Булгаков); Женщина встала, вышла за перегородку... – Какой-то барин, Николай Дмитрич, – сказала она. – Кого нужно? – сердито сказал голос Николая Левина (Л. Толстой).

За голосообразованием как аспектом сферы субъекта речи закреплены различные метафорические модели (с опорой на их понимание в исследованиях Дж. Лакоффа [2], М. Джонсона [3], Н.А. Илюхиной [4], Г.Н. Скляревской [5], Ю.Д. Апресяна [6], А.П. Чудинова [7], А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова [8], Т.Н. Зубакиной [9]), однако наиболее регулярным является образ живого существа, за которым мыслится все тот же говорящий субъект (*угрюмый, хмурый, веселый, ликующий, сердитый, резвый, насмешливый, испуганный* и т. п.). В приведенных выше примерах номинация голоса заменяла человека, а здесь психологические характеристики переносятся – главным образом в форме переноса определения – на голос. Метафорическая модель «живое существо», по замечанию Н.А. Илюхиной, «обусловлена метонимической логикой» и «любой микроконцепт сферы “человек” представляет как самостоятельную сущность, которая в своих свойствах, способностях, поведении уподобляется человеку» [10, с. 35]. В интерпретации говорящего субъекта эта модель обладает большими возможностями – любая характеристика конкретного субъекта, в том числе ситуативная, которая так или иначе воплощается через речь, может акцентироваться через голос:

– эмоциональное состояние – *Капитан соскочил в окоп, побежал вдоль него, испуганным, плаксивым голосом умоляя: – Братцы! Что ж это такое? (И. Шамякин); – *Опять их умыли... – зазвучал в стороне глухой, на этот раз более сдержанный голос Звягинцева (М. Шолохов);**

– физическое состояние – *Позванивая золотыми цепочками, брелоками, глядя сытыми глазами в золотой лорнет, она говорила усталым голосом (М. Горький).*

Приведенные иллюстрации представляют, строго говоря, не метафорическую, а метонимическую модель.

Связь метафорической и метонимической моделей наблюдается и в случае зооморфной интерпретации человека, которая переносится на характеристику голоса, которая связана с двумя аспектами – собственно акустическим и эмоциональным.

Актуализируя акустические свойства голоса, метафорические употребления приобретают оценочно-экспрессивный элемент: передают положительную оценку, характеризуют звучание, приятное для слуха, или отрицательную, характеризуют звучание, неприятное по тем или иным причинам, выражающее отношение к собеседнику или предмету речи (неэстетичность звука, грубость, чрезмерная громкость):

Подойдите поближе, – пропищал тоненький голосок из кресла (И. Варшавский).

Сквозь призму зооморфного образа человек рассматривается не только с точки зрения тембровых и иных акустических характеристик его голоса, но и с точки зрения его эмоционального состояния. Поэтому при ассоциативной характеристике звучания актуализируется и психологический компонент – эмоциональное состояние говорящего. Так, лексемы *выть, рычать, лаять, реветь* выражают страх, злость, ярость, гнев, нередко в контексте при них содержатся лексические элементы, эксплицирующие и усиливающие названные признаки:

– *Нас предали! – провыл панический голос (А. Толстой); ...залаляли хриплые озлобленные голоса беженцев (М. Шолохов). Хлопнула дверь, раздался могучий плеск, и грозный бас заревел: – Я вам покажу черное море! (О. Горьков).*

Собственно метафорическая характеристика голоса отражает разные параметры говорящего и ситуации речи. Нельзя не отметить, что часто механизм метафоризации голоса основывается на синестезии. В частности, визуальные метафоры опираются на разновидность синестезии – синопсию, представляющую собой в данном случае визуализацию звука. Общность между цветом и звуком (или эффект визуализации звука), устойчиво возникающую в процессе человеческого восприятия, подтверждают естественнонаучные исследования, обнаружившие единый источник между светом и звуком – колебательный процесс [11, с. 144]. Однако синестезия не ограничивается переносом со слуховых впечатлений на зрительные; при метафорическом моделировании голосового тембра происходит перенос ассоциативных характеристик другого рода: тактильных, вкусовых [12].

В редких случаях метафора интерпретирует только собственно акустические особенности голоса (резкий, хриплый, бархатный, каркающий).

Чаще через голос выражаются другие аспекты сферы говорящего:

1) эмоциональное состояние субъекта речи:

– *Мне не нужно знать, – придушенным, злым голосом отозвался Пилат* (М. Булгаков); – *К чему это было сказано? – услышал гость внезапно треснувший голос* (М. Булгаков); *Рассматривая крючок, он слабым голосом проговорил: – Не везет! Чертовски не везет!* (М. Шолохов); *С тупым любопытством отметил, что голос Агатова срывается от волнения...* (Д. Гранин); *Он успокоился, услышав свой твердый голос* (Д. Гранин);

2) физическое состояние субъекта речи:

– *На свете не было, нет и не будет никогда более великой и прекрасной для людей власти, чем власть императора Тиверия! – сорванный и больной голос Пилата разросся* (М. Булгаков); *...Старуха сказала слабым, но сердитым голосом: – Неси!* (В. Короленко); *Ни кровинки не было в его известково-белом лице, но он все же двигался вперед и, запрокидывая голову, кричал ребячески тонким, срывающимся голосом: – Орелики! Родные мои, вперед!..* (М. Шолохов);

3) отношение говорящего к собеседнику – теплое, приветливое или строгое, недоброжелательное:

А когда сказал, что дядя был ранен на японской войне, голоса солдат потеплели (И. Шамякин); – *Итак, Марго, – продолжал Воланд, смягчая свой голос...* (М. Булгаков); – *Это баловство, молодость. – Романов отобрал рисунки сердито, но голос его дрогнул теплом* (Д. Гранин); *Бледный, едва владеющий собой Лопухин смотрел на Некрасова помутневшими от гнева глазами, молча слушал, а потом неожиданно тихим, придушенным голосом спросил: – Ты откуда родом, Некрасов? Курский? (М. Шолохов); – Здравствуйте, Владимир Сергеевич, – ровным, холодным голосом сказал Мамонтов. ...Ледяным голосом премьер напомнила Ющенко о его мизерном рейтинге и о попытках «поднять его за счет Западной Украины» (Взгляд. 08.09.2008); – Последние примеры рубрик демонстрируют роль контекста в актуализации семантических оттенков;*

4) коммуникативные цели говорящего, связанные с жанровыми особенностями, ситуацией речи – выражение: а) угрозы; б) соболезнования; в) призыва, ободрения; г) приказа; д) просьбы:

а) *...Учительница нахмурила брови и сказала срывающимся голосом: – Ну хорошо же...* (А. Аверченко);

б) *Прошу почтить память Ивана Денисовича Индрика минутой молчания, – надтреснутым голосом произнес Колесников* (А. Зорич);

в) *Голос его, исполненный страстной веры и предельного напряжения, вырос и зазеленел, как туго натянутая струна: – Пусть враг временно торжествует, но победа будет за нами!* (М. Шолохов); – *Братья во литературе!* (Осипиий голос его окреп и стал горячий) (М. Булгаков);

г) Голос сорвался до визга: *Молчать!* (И. Шамякин);

д) Капитан соскочил в окоп, побежал вдоль него, *испуганным, плаксивым* голосом умоляя: — Братцы! Что же это такое? (И. Шамякин);

5) особенности структуры ситуации речи, например место говорящего в неравноправном / иерархическом общении:

Глагол *пищать* (вместе с его производными) обычно содержит семы «маленький, слабый, зависимый, потенциальная жертва агрессии», глагол *рычать* (вместе с его производными) — семы «большой, сильный, агрессивный»:

Мargarита *упрашивала Мастера дрожащим голосом...* (М. Булгаков); — *А вот и новый воздыхатель, — произнесла Бежецкая, взглядывая с усмешкой на Фандорина. — Теперь ровно чертова дюжина. Представлять всех не буду, долго получится, а вы назовитесь. Помню, что студент, да фамилию забыла. — Фандорин, — пискнул Эраст Петрович предательски дрогнувшим голосом и повторил еще раз, потверже. — Фандорин (Б. Акунин); — Вы знаете, что это? — задал он вопрос классу, его голос звучал и спокойно и пугающе. Дети смотрели на него, не в силах сказать ни слова. — Я спрашиваю еще раз: вы знаете, что это такое? — Наши сочинения, — пропищал неуверенный голос из глубины класса. — Нет! — рявкнул учитель. — Это — куча мусора!* (Из иллюстрации на педагогическом интернет-форуме).

Часто сочный голос присваивается говорящему, обладающему высоким положением: *Он вышел, и с перекатами зазвучал в коридоре его сочный распорядительный бас* (В. Набоков);

6) нередко характеристика голоса коррелирует с описанием внешних, физических данных субъекта речи:

Рядом со своею высокою и красивою сестрой он казался слабым, жидким; и борода у него была жидкая, и голос тоже — жиденский тенорок, довольно, впрочем, приятный (А. Чехов); В двери *стоит, заполняя всю ее, Матрена Барская и, ворочая глазами, гудит глубоким басом: — Не жалобно поете, девицы* (М. Горький); — *Нет, я категорически против «Колизея» — гремел на весь бульвар гастроном Амвросий. — Не уговаривай меня, Фока. — Я не уговариваю тебя, Амвросий, — пищал Фока... — Слуга покорный, — трубил Амвросий...* (М. Булгаков).

В последнем примере глаголы, безусловно, указывают на тембровые особенности собеседников — высокий голос Фоки и низкий, очень громкий голос Амвросия. Нельзя не заметить, что подобная индивидуализация персонажей с помощью звуковых деталей не самоцель для автора. Эти характеристики работают на создание ярких, противостоящих друг другу образов — Фоки, «не умеющего жить», и Амвросия, поэта и одновременно любителя порционных судачков. Звуковые детали соединяются в произведении с внешними портретными: «тощий, с карбункулом на шее» Фока, естественно, *пищит*, а полный жизненных сил гастроном Амвросий, румяногубый гигант, золотистоволосый, пышношекий, соответственно, *трубит* и *гремит* на весь бульвар.

Решающая роль контекста в интерпретации метафорических употреблений обусловлена комплексным характером образного отражения речевой ситуации.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 3–42.
2. Lakoff George The Political Mind: A Cognitive Scientist's Guide to Your Brain and Its Politics, 2009.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. 511 с.

4. Илюхина Н.А. Метафора и системность в рамках образоцентрического подхода // Наука и культура России. 2014. Т. 1 С. 181–184.
5. Складневская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука: Санкт-Петербург. изд. фирма, 1993. 150 с.
6. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2 т. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки славянской культуры», 1995. С. 348–388.
7. Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии: монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2013. 176 с.
8. Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. М.: ИРЯ АН СССР, 1991. С. 184–193.
9. Зубакина Т.Н. Метафорическое моделирование историко-политического события (на материале текста мемуаров У. Черчилля) // Политическая лингвистика / гл. ред. А.П. Чудинов; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». Екатеринбург, 2014. Вып. 2 (48). С. 128–137.
10. Илюхина Н.А. Две метафорические модели в парадигматической и синтагматической корреляции // Труды по когнитивной лингвистике: сб. науч. ст., посвященный 30-летнему юбилею кафедры общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета / отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: КемГУ, 2008. С. 34–40.
11. Лосева О.В. Музыка и глаз // На грани тысячелетий: Мир и человек в искусстве XX в. М.: Наука, 1994. С. 140–158.
12. Сомова Е. Тембральная метафоризация в радиоречи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.relga.rsu.ru>.

References

1. Arutiunova N.D., Paducheva E.V. *Istoki, problemy i kategorii pragmatiki* [Origins, problems and categories of pragmatics]. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike: Vyp. XVI. Lingvisticheskaia pragmatika* [New in foreign linguistics: Issue XVI. Linguistic pragmatics]. M.: Progress, 1985, pp. 3–42 [in Russian].
2. Lakoff George. *The Political Mind: A Cognitive Scientist's Guide to Your Brain and Its Politics*, 2009 [in English].
3. Lakoff G., Johnson M. *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. In: *Teoriia metafory* [Theory of metaphor]. M.: Progress, 1990, 511 p. [in Russian]
4. Iliukhina N.A. *Metafora i sistemnost' v ramkakh obrazotsentricheskogo podkhoda* [Metaphor and systematicity within the boundaries of the image-center approach]. *Nauka i kul'tura Rossii* [Science and culture of Russia], 2014, Vol.1, pp. 181–184 [in Russian].
5. Sklyarevskaya G.N. *Metafora v sisteme iazyka* [Metaphor in the system of language]. SPb.: Nauka: Sankt-Peterburg. izd. firma, 1993, 150 p. [in Russian].
6. Apresyan Yu.D. *Obraz cheloveka po dannym iazyka: popytka sistemnogo opisaniia* [Image of a person according to the data of language: an attempt of system description]. In: *Apresian, Yu.D. Izbrannye trudy: v 2 t. Tom II. Integral'noe opisanie iazyka i sistemnaia leksikografiia* [Selected works: in 2 Vols. Vol.2 Integral description of the language and system lexicography]. M.: Shkola «Iazyki slavianskoi kul'tury», 1995v., pp. 348–388 [in Russian].
7. Chudinov A.P. *Ocherki po sovremennoi politicheskoi metaforologii: Monografiia* [Essays on modern political metaphor studies: Monograph]. Ural State Pedagogical University. Ekaterinburg, 2013, 176 p. [in Russian].
8. Baranov A.N. *Ocherk kognitivnoi teorii metafory* [Essay on the cognitive theory of metaphor]. In: Baranov A.N., Karaulov Yu.N. *Russkaia politicheskaiia metafora: materialy k slovari* [Russian political metaphor: materials for the dictionary]. M.: IRIA AN SSSR, 1991, pp.184–193 [in Russian].
9. Zubakina T.N. *Metaforicheskoe modelirovanie istoriko-politicheskogo sobytiia (na materiale teksta memuarov U. Cherkhillia)* [Metaphorical modeling of historical and political event (on the material of the text of memoirs of W. Churchill)]. In: *Politicheskaiia lingvistika. Gl. red. A.P. Chudinov; GOU VPO «Ural. gos. ped. un-t»* [Political linguistics. A.P. Chudinov (Ed.): SEI HPE «Ural State Pedagogical University»]. Ekaterinburg, 2014, Issue 2(48), pp. 128–37 [in Russian].
10. Iliukhina N.A. *Dve metaforicheskie modeli v paradigmaticheskoi i sintagmaticheskoi korreliatsii* [Two metaphorical models in paradigmatic and syntagmatic correlation]. In: *Trudy po kognitivnoi lingvistike: sbornik nauchnykh statei, posviashchennyi 30-letnemu iubil'uiu kafedry*

obshchego iazykoznaniiia i slavianskikh iazykov Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Otv. red. M.V. Pimenova [Works on cognitive linguistics: collection of research papers devoted to the 30th anniversary of the Department of General Linguistics and Slavic Languages, Kemerovo State University. M.V. Pimenova (Ed.)]. Kemerovo: KemGU, 2008, pp. 34–40 [in Russian].

11. Loseva O.V. *Muzyka i glaz* [Music and eye]. In: *Na grani tysiacheletii: Mir i chelovek v iskusstve XX v.* [On the edge of a millennium: World and human being in the art of the XX century]. M.: Nauka, 1994, pp.140–158 [in Russian].

12. Somova E. *Tembral'naia metaforizatsiia v radiorechi* [Tembral metaphorization in radiospeech]. Retrieved from: <http://www.relga.rsu.ru> [in Russian].

N.O. Kirillova*

FIGURATIVE CONCEPTUALIZATION OF VOCALIZATION IN THE REFLECTION OF SPEECH SITUATION

The article presents an analysis of figurative interpretation of phonation – communicatively meaningful element of speech situation associated with its central component (subject of speech). In the representation of voice the interaction of metaphorical and metonymic models, manifested in regular metonymic replacement of names of speaking subject nominations related to the voice is traced; conditioning of metaphorical model of «living being» metonymic logic conceptualization denotation is confirmed. In the interpretation of the speaking subject, this model has great potential – any characteristic of a specific subject, which somehow embodied through speech can be transmitted by voice nominations.

Key words: metaphorical interpretation, metonymy, discourse, concept, speech situation, phonation.

Статья поступила в редакцию 06/VI/2016.

The article received 06/VI/2016.

---

* *Kirillova Natal'ia Olegovna* (nokirillova@mail.ru), Department of Natural Science and Humanitarian Disciplines, Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI (KNRTU–KAI), 10, K. Marx st., Kazan, 420111, Russian Federation.